

СУББОТНЯЯ СТРАНИЦА

Как родилась
песняРассказывает В. Соловьев-Седой, народный артист СССР,
лауреат Ленинской премии

Стоял май 1945 года. Наши части взяли Берлин. Кончалась война. Наши танкисты и моторизованная пехота неудержимо рвались вперед, на Прагу и Будапешт. В Восточной Пруссии еще ожесточенно сопротивлялись остатки разбитых гитлеровских частей.

Мы ехали в Таллин. Нам предстояло выступить перед бойцами Прибалтийского фронта и моряками Балтийского флота. Нам указали направление и назвали номер части, где должен был состояться первый концерт. Мы бодро пустились в путь.

Тяжелые танки и самоходные орудия разворотили дороги и сделали их почти непроходимыми. Трофейный штабной автобус трясло, как в лихорадке. Тряска выматывала душу. Не только писать, но куска хлеба съесть было невозможно, чтобы не прикусить язык. Но мы не унывали. На душе было спокойно и радостно. Радовался и наш водитель, поминая временами недобрим словом фашистов, ухабы, трофейный автобус, который он называл гитлером. Наш «гитлер» был здорово обшарпан и помят, скрипел, трещал, дымил и действительно был похож на разбитых, разгромленных, потрепанных гитлеровских вояк, которые шли нам навстречу.

Время от времени, провалившись в какую-то яму, автобус останавливался, и наш водитель выскакивал из кабины и не то радостно, не то отчаянно хлопал ладонью по кузову и многозначительно восклицал: «Гитлеру капут!» — и начинал осматривать наш раздолбанный тарантас, перед которым «антилопа-гну» из «Золотого теленка»

Ильфа и Петрова выглядела бы, вероятно, вполне элегантно.

Мы выходили на дорогу, чтобы размять затекшие от неподвижного сидения ноги, грелись на солнышке и следили за нашими «ястребками», стройными звеньями уходившими на запад.

Но тут раздавался зычный голос водителя:

— По коням! — и мы вприпрыжку бежали к автобусу, спотыкаясь на выбоинах, и вновь занимали места в темном и душном чреве нашего «гитлера», и опять начиналась бесконечная тряска.

Нас было двенадцать человек — вокалистов, аккомпаниаторов, чтецов, поэтов и среди них — Алексей Фатьянов — мой старый, верный друг, мой попутчик по многим дорогам войны, автор многих текстов, на которые я писал музыку.

Писать было невозможно. Стоило только вытащить карандаш и бумагу, как при очередном толчке карандаш вылетал из рук и, описав дугу, рукошетою от потолка исчезал в недрах нашего «гитлера». А работать было необходимо. Мы решили сочинить новую песню, посвятив ее балтийцам. Мы хотели, чтобы премьера этой песни состоялась у солдат и матросов, прошедших долгий и славный путь борьбы и побед.

Фатьянов импровизировал вслух стихи, а я мурлыкал под нос,

разрабатывая мелодию песни. Делали мы это непрерывно, на протяжении многих часов, чтобы не забыть ни мелодии, ни текста.

Постепенно в работу включились и другие. Мой старый товарищ и замечательный вокалист, обладатель глубокого бархатного баса начал мне подпевать, аккордеонист неуверенно и робко

но, не шадя ни голосовых связок, ни аккомпаниатора.

Давно мы дома не были. Цветет родная ель. Как будто в сказке-небыли За тридевять земель...

Уже в третий раз спели мы сочиненную в дороге песню для тех, кто действительно давно не был дома и пришел сюда за

ДАВНО МЫ ДОМА НЕ БЫЛИ...

стал подбирать музыку, и так началась репетиция, прерывавшаяся вскоре очередным треском, похожим на взрыв, и звонким криком водителя:

— Гитлеру капут!

Однако, водитель быстро привел «гитлера» в чувство, и за сим последовало ставшее уже традиционным:

— По коням!

По фронтовой дороге мимо нас со свистом пронеслись военные мотоциклы, надсадно сигналившие легковушки, танкетки, санитарные машины. Наш «гитлер» неизменно уступал им дорогу. К вечеру мы подъехали к шлагбауму. Регулировщик поднял флажок, и мы загорезили.

— Нам нужно энское хозяйство, — сказал наш водитель, назвав номер части.

— Оно самое! — сказал регулировщик и открыл шлагбаум.

Через час на полянке, при свете включенных фар неизвестно откуда появившихся машин, начался концерт.

Фатьянов читал стихи. Бас пел много, вдохновенно и трогатель-

тридевять земель, чтобы свести свои счета с врагом за сожженные города и села, за поработанных братьев и сестер. Долго не расходились бойцы, и мы уже собирались было на ночлег, как вдруг выяснилось, что мы выступили не в своей части, что наша часть впереди и что регулировщик по приказу командира скупил, чтобы заманить проезжающих артистов. Мы не обиделись на командира. Мы увидели своими глазами, как бойцам нужна была песня. Мы им привезли кусочек дома, где они давно не были, веточку той самой елочки, что за тридевять земель, перенесли мечту солдатскую туда,

Где елки осыпаются,

Где елочки стоят,

Который год красавицы

Гуляют без ребят...

Мы потом все же нагнали свою часть. Мы выступали по тридцать четыре раза в день.

И потом, много лет спустя, я неоднократно вспоминал незабываемую картину этого ночного концерта в какой-то воинской части, номер которой я от волнения так и не узнал.